

A large, orange Transformer robot, Optimus Prime, stands in the foreground, looking towards the viewer. The robot has a red visor and blue glowing eyes. In the background, a desert landscape with a city and a body of water is visible under a blue sky with white clouds. Several flying saucers are flying in the sky.

Киборг

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Киборг

«Автор»

2026

Патрушев С.

Киборг / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алекс был обычным инженером на исследовательском судне «Прометей», пока взрыв не выбросил его в ледяную пустоту космоса. Он должен был умереть, но вместо этого проснулся. Теперь его левая рука боевой протез, нога гидравлический механизм, а половина лица скрыта под металлической пластиной. В его голове звучит голос операционной системы, а сердце заменено стальным насосом. Корпорация «КиберТек» превратила его в Прототип 9 — идеальное оружие, созданное для войны. Алекс отказывается быть инструментом. Сбежав от создателей, он находит убежище на борту контрабандистского корабля «Странник», где его импланты становятся единственным шансом на выживание для всей команды. Теперь ему предстоит понять, кто он: человек, машина или нечто совершенно новое. И самое главное, сможет ли он сохранить человечность, когда внутри него пробуждается безжалостный боевой алгоритм

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина в космосе	5
Глава 2. Пробуждение (Кризис идентичности)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Киборг

Глава 1. Тишина в космосе

Вакуум не взрывается. Это было первое, чему учили в академии, и последнее, о чем успел подумать Алекс за секунду до того, как реальность разорвалась на части. Вопреки всем голливудским штампам, в космосе не бывает огненного шара, ревущего пламени или ударной волны. Бывает только безмолвный, стремительный переход от жизни к смерти. Тишина. Холод. И тьма.

Перед тем как наступила эта самая тьма, была вспышка. Алекс находился в техническом отсеке «Прометея», массивного исследовательского судна класса «Колумб», которое уже три года бороздило холодные просторы системы Кеплер-186. Это была его вахта, его смена, его территория. Он знал здесь каждый болт, каждый кабель, каждый вентиль. За три года полета он изучил этот корабль лучше, чем собственное тело. Ирония заключалась в том, что именно в этот момент, в этой самой точке пространства, его тело перестало быть его собственным. Но этого он еще не знал.

Он стоял на узкой платформе, подвешенной над сложным переплетением кабелей и трубопроводов, и проверял показания датчиков давления в гидравлической системе третьего контура. Это была рутинная работа. Скучная, монотонная, но именно за это Алекс её и любил. Инженерия была его убежищем от хаоса внешнего мира. Здесь, в сердце корабля, всё было логично, подчинено законам физики и поддавалось контролю. В отличие от людей, механизмы никогда не лгали, не предавали и не устраивали истерик. Они просто работали. Или ломались. И то, и другое можно было понять, починить или заменить.

Его сканер тихо пискнул, выдав данные на голографический дисплей, спроецированный прямо перед глазами. Давление в третьем контуре было на семь процентов ниже номинального. Не критично, но требовало внимания. Алекс нахмурился. Это было странно. Он проверял эту систему всего шесть часов назад, и всё было в идеальном порядке. Падение давления на семь процентов за такой короткий срок означало утечку. А утечка в гидравлической системе корабля, находящегося в глубоком космосе, — это серьезная проблема.

Он потянулся к поясу с инструментами, чтобы взять регулировочный ключ, когда корабль содрогнулся. Это не было похоже на вибрацию от стыковки или тряску при маневрировании. Это был глубокий, утробный толчок, который прошел через всю структуру судна, от киля до верхних палуб. Алекс почувствовал его ногами, всем телом, каждой клеткой. Это было похоже на землетрясение, только в космосе, где землетрясений быть не может. Секунду спустя раздался звук — низкий, скрежещущий гул, который перерос в пронзительный визг рвущегося металла. Где-то совсем рядом, буквально за переборкой, взревела сирена тревоги.

— Какого черта? — пробормотал Алекс, хватаясь за поручень, чтобы не упасть с платформы.

Его голос утонул в нарастающем грохоте. Корабль снова тряхнуло, на этот раз сильнее. С потолка посыпались искры, освещение замигало, погружая отсек в тревожный полумрак. На его дисплее вспыхнула целая россыпь красных предупреждений о разгерметизации в нескольких секторах. Он видел эти предупреждения, но мозг отказывался их обрабатывать. Разгерметизация? Здесь? Это невозможно. «Прометей» был построен с тройным запасом прочности. Его обшивка могла выдержать попадание микрометеорита размером с кулак. Что могло пробить её?

Ответ пришел через долю секунды. И этот ответ был страшнее любого метеорита. Взрыв. Внутренний взрыв. Кто-то или что-то взорвалось внутри корабля. Алекс действовал на автопилоте, его тело опережало мысли. Тренировки, рефлекс, инстинкт выживания — всё это сработало быстрее, чем его сознание успело сформулировать план. Он рванул к выходу, но не успел сделать и двух шагов, как стена перед ним вспучилась, словно кто-то ударил по ней гигантским молотом изнутри. Вздутие росло на глазах, металл менял цвет, от серого к багрово-красному, а затем к ослепительно-белому. Это была самая страшная картина, которую Алекс когда-либо видел в своей жизни. Он видел, как рвется металл, как сминаются переборки, как лопаются трубы, извергая в отсек облака пара и какой-то едкой жидкости.

Он успел подумать: «Нет, только не это». А затем мир исчез. Стена не просто разрушилась — она испарилась. Её вырвало наружу чудовищной силой взрывной декомпрессии. Всё, что не было прикручено, а вместе с этим и сам Алекс, устремилось в образовавшуюся брешь. Он почувствовал, как его тело подхватило невидимым потоком, как пушинку. Это было самое странное ощущение в его жизни. Одна секунда — и он стоял на твердой поверхности, окруженный привычным гулом корабельных систем. Следующая секунда — и он летел в абсолютной пустоте, не имея никакой опоры, никакой точки отсчета, ничего, за что можно было бы ухватиться.

Воздух мгновенно покинул легкие, выбитый перепадом давления. Это было чувство, похожее на сильнейший удар в грудь, за которым последовала невероятная, неземная легкость. Алекс никогда не испытывал ничего подобного. Его учили, как действовать при разгерметизации. У него были считанные секунды, чтобы выдохнуть, чтобы не дать легким разорваться от перепада давления. Но он не успел. Всё произошло слишком быстро. Слишком внезапно.

Перед глазами промелькнула картина: куски искореженной обшивки, сгустки какой-то жидкости, мгновенно превращающейся в кристаллики льда, и бесконечная, беспощадная чернота космоса, усеянная немигающими звездами. Среди этого хаоса он увидел языки пламени — да, пламени! Оно вырывалось из разорванных трубопроводов, питаясь остатками кислорода и горючего, создавая на один краткий, жуткий миг иллюзию ада, застывшего в вакууме. Это было красиво и ужасно одновременно. Красиво, потому что пламя в космосе — это редкое, почти невозможное зрелище. Ужасно, потому что это пламя пожирало его дом.

Алекс попытался вдохнуть, но вместо воздуха в горло хлынула пустота. Боль была острой, всепоглощающей. Казалось, его глаза сейчас лопнут, а кровь закипит в венах. Барабанные перепонки взорвались от резкого падения давления, погружив его в мир абсолютной, звенящей тишины. Теперь он не слышал ничего. Ни криков, ни сирен, ни грохота разрушающегося корабля. Только тишину. Ту самую тишину, о которой говорят, когда говорят о космосе. Но эта тишина была не умиротворяющей. Она была смертельной.

Он беспомощно кувыркался в пространстве, наблюдая, как «Прометей» — его дом на последние три года — удаляется от него. Корабль медленно вращался вокруг своей оси, и в этом вращении было что-то неестественное, что-то неправильное. В иллюминаторах кают-компаний всё ещё горел свет, создавая уютное, тёплое пятно посреди холодной бездны. Этот свет был похож на насмешку. Там, за этими иллюминаторами, ещё минуту назад сидели люди. Его коллеги. Его друзья. Они пили кофе, читали отчеты, спорили о результатах последних исследований. А теперь...

Он видел, как от корабля отваливаются огромные секции, как из пробоины, из которой его выбросило, продолжают вылетать обломки и, возможно, другие тела. Тела его коллег. Его друзей. Тела людей, с которыми он провел три года в замкнутом пространстве, деля с ними не только работу, но и жизнь. Он видел, как одно из тел, облаченное в оранжевый технический комбинезон, пролетело мимо него, безвольно раскинув руки. Это была Мария. Он узнал её по светлым волосам, которые развевались вокруг её головы, как ореол. Она была инженером второго класса. Она всегда улыбалась, даже когда всё шло не так. И вот теперь она летела в пустоту, такая же беспомощная, как и он.

Алекс попытался дотянуться до неё, но его тело не слушалось. Он был всего лишь куском мяса, выброшенным в космос, и у него не было ни единого шанса изменить свою траекторию. Он мог только смотреть. Смотреть и ждать.

Мысли путались. Сознание начало затухать от нехватки кислорода. Он знал, что у него есть от пятнадцати до двадцати секунд до потери сознания. Возможно, меньше. Перспектива провести остаток жизни, которая измерялась в считанных секундах, в роли беспомощного наблюдателя собственной гибели, вызвала приступ животного страха. Он инстинктивно задержался, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но вокруг была лишь пустота. Вакуум. Бесконечное ничто.

Его взгляд упал на большой обломок панели внутренней обшивки, который летел прямо на него. Его края были острыми, как бритва, и оторванная электропроводка всё ещё искрила, хотя в вакууме не было воздуха, чтобы поддерживать горение. Это были последние секунды. Он видел, как обломок приближается. Медленно, словно нехотя. Время растянулось, каждая секунда превратилась в вечность. Он мог различить каждую царапину на его поверхности, каждую заклепку. Этот кусок металла был частью лаборатории на третьей палубе. Алекс вспомнил, как сам приваривал эту панель год назад, во время планового ремонта. Он помнил, как обжег тогда палец, и как Мария смеялась над ним, говоря, что сварщик из него так себе.

Странно, как мозг цепляется за бесполезные детали перед лицом неминуемой смерти. Вместо того чтобы думать о спасении, он думал о том, как пах кофе в кают-компаниях по утрам. Вместо того чтобы молиться, он вспоминал лицо своей матери, которую не видел уже пять лет. Вместо того чтобы прощаться, он думал о том, что так и не закончил читать книгу, которую начал месяц назад.

Обломок врезался в него. Алекс не почувствовал боли. Он лишь услышал — нет, не услышал, а ощутил всем телом — глухой, тошнотворный хруст. Это был звук ломающихся костей. Его левая рука была зажата между двумя кусками металла, и он видел, как она вывернулась под неестественным углом. Кость прорвала кожу, обнажив бело-розовые осколки, которые тут же покрылись кристалликами льда. В следующую секунду острый край панели пропорол его скафандр, как консервную банку, и разрезал грудь от ключицы до живота. Он почувствовал,

как тепло его собственной крови выплеснулось наружу, мгновенно замерзая в ледяные кристаллы, которые разлетелись вокруг него, как рой кровавых рубинов. Это было почти красиво. Кровавый рубиновый дождь в бескрайней черноте.

Боль, наконец, пришла. Она была невыносимой, всепоглощающей. Она была везде и нигде. Она была всем, что осталось от его мира. Она была единственным доказательством того, что он еще жив. И в то же время она была доказательством того, что жить ему осталось считанные мгновения.

Он попытался закричать, но из его разорванного горла вырвался лишь беззвучный хрип. Из его груди, словно воздух из проколотого шарика, выходил остаток воздуха, смешиваясь с пузырьками крови. Он чувствовал, как его тело содрогается в конвульсиях, как мышцы сокращаются в тщетной попытке удержать жизнь. Но жизнь уходила. Она утекала из него вместе с кровью, вместе с воздухом, вместе с теплом.

Последним, что он увидел, была новая, яркая вспышка. Она пришла изнутри «Прометей». На этот раз это был не взрыв декомпрессии, а настоящее, полноценное извержение энергии. Реактор. Он понял, что произошло. Цепная реакция, которую уже невозможно было остановить. Взрыв, который уничтожит всё в радиусе нескольких километров. Включая его. Включая Марию. Включая всех, кто ещё был на борту.

Корабль, его дом, его друзья — всё это было обречено. Эта вспышка была ослепительно-белой, а затем стала золотой, оранжевой и, наконец, поглотила всё. Она погасила свет звезд, поглотила обломки, стерла сам космос. Она была прекрасна. Это было последнее, что он подумал, прежде чем волна тепла накрыла его. Тепла, которое сменилось ледяным холодом.

Затем наступила тьма. Это была не просто темнота. Это была абсолютная, первозданная тишина. Тишина, в которой не было ни мыслей, ни страха, ни боли. Только пустота. Бесконечная, спокойная пустота. Он плыл в этой пустоте, лишенный тела, времени и памяти. Не было ни «до», ни «после». Было только «сейчас», которое длилось вечность.

В этой пустоте не было снов. Не было видений. Не было голосов. Только он и бесконечное ничто. Иногда ему казалось, что он слышит отголоски каких-то звуков — обрывки разговоров, фрагменты музыки, шум двигателей. Но это были лишь иллюзии, порожденные угасающим сознанием. Его мозг, лишенный внешних раздражителей, начал генерировать собственные сигналы. Это было похоже на белую шумовую завесу, которая постепенно поглощала всё.

А потом эта вечность закончилась. Первым, что он почувствовал, был холод. Не тот ледяной холод космоса, который пронизывал его до костей, а тупой, ноющий холод, идущий откуда-то изнутри. Он ощущал, как его тело сотрясает мелкая, неконтролируемая дрожь. Дрожь? Он не должен был чувствовать ничего. Он должен был быть мертв.

Затем пришло осознание. Осознание того, что у него есть тело. Что он может чувствовать. Что он... жив? Эта мысль была настолько ошеломляющей, что на мгновение снова отбросила его в темноту. Но потом он заставил себя цепляться за это осознание. Жив. Я жив. Эта фраза повторялась в его голове, как мантра, как заклинание, как единственная нить, связывающая его с реальностью. Жив. Я жив. Я жив.

Он попытался открыть глаза. Это потребовало невероятных усилий. Веки, словно налитые свинцом, не хотели подчиняться. Они были тяжелыми, чужими. Ему казалось, что он поднимает не веки, а многотонные стальные шторы. Наконец, веки дрогнули и приоткрылись.

Перед его глазами всё было белым. Белый, размытый, стерильный свет. Он был повсюду, проникая в мозг, вызывая резь в глазах. Зрение никак не хотело фокусироваться. Мир представлял собой набор нечетких пятен и разводов. Он попытался повернуть голову, но шея не слушалась. Она словно застыла, превратилась в неподвижный монолит. Он чувствовал, как мышцы шеи напрягаются, но голова оставалась на месте, словно приклеенная к подушке.

Паника начинала закипать где-то в глубине его существа, но была такой же далекой, как и звезды. Его эмоции были приглушены, словно скрыты за толстой стеной. Он был как будто наблюдателем в собственном теле, которое больше ему не принадлежало. Это было самое странное чувство в его жизни. Он был и не был собой одновременно. Его разум был здесь, но его тело было чем-то чужим, чем-то, что он не мог контролировать.

Он попытался пошевелить пальцами правой руки. Он не был уверен, что у него есть правая рука. Он попытался пошевелить пальцами левой. Левая рука, та, что была раздроблена... он помнил. Он помнил хруст. И нож, входящий в его тело. И холод. И тьму.

Внезапно перед глазами промелькнула яркая, четкая картинка: над ним склоняется фигура в хирургическом халате. Лица не видно, оно скрыто за зеркальной маской. Рядом жужжат и пищат какие-то приборы. Холодный металл инструментов касается его груди. И голос. Спокойный, бесстрастный голос, говорящий на языке, который он не мог распознать. Это был не английский, не русский, не китайский. Это был какой-то синтетический язык, состоящий из щелчков и шипения. Или, возможно, это был просто бред его воспаленного мозга.

Это видение исчезло так же быстро, как и появилось. Но оно оставило после себя чувство глубокого беспокойства. Что-то было не так. Что-то было очень, очень не так. Он снова сосредоточился на простом действии — дыхании. Он сделал вдох. Легкие наполнились воздухом. Но что-то было не так. Ощущение было... неполным. Он не чувствовал, как расширяется его грудная клетка. Он не чувствовал движения мышц. Воздух просто входил в него, автоматически, механически. Как будто его легкие больше не были его легкими. Как будто они были заменены на что-то другое.

И тут он услышал звук. Это был тихий, ритмичный гул. Он исходил изнутри него. Из его собственной груди.

Это не было похоже на биение сердца. Это было больше похоже на работу какого-то точного, хорошо смазанного механизма. Насос. Сердце-насос. Ритм был ровным, механическим, без малейших отклонений. Настоящее сердце бьется неравномерно, оно ускоряется при стрессе, замедляется во сне. Это же... это было похоже на метроном. Идеальный, безупречный, нечеловеческий ритм. Этот звук был чуждым и в то же время пугающе знакомым. Он был частью его. И это осознание было страшнее всего, что он пережил.

Алекс снова попытался пошевелить рукой. На этот раз он почувствовал ответ. Это было слабое, едва уловимое движение, но оно было. Он почувствовал, как что-то сжалось в ответ на его команду. Но это ощущение было неправильным. Он не чувствовал свои пальцы, не чувствовал тепла или холода. Он лишь знал, что отдал команду, и что она была выполнена. Как

будто он управлял не своей конечностью, а сложным дроном. Обратной связи не было. Только подтверждение выполнения команды.

Сознание начало проясняться, но вместе с ним приходил и ужас. Ужас от непонимания собственного тела. Он попытался заговорить, но из его горла вырвался лишь слабый, статический шум, похожий на шум радиопомех. Его голос. Что с его голосом?

— Кх... — единственный звук, который ему удалось издать.

Он снова закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Ему нужно было понять, где он. Что произошло. Почему он жив. Эти три вопроса крутились в его голове, как заевшая пластинка. Но ответов не было. Только пустота и этот механический стук.

Он снова открыл глаза. На этот раз зрение сфокусировалось немного лучше. Он смог различить контуры. Он находился в маленьком, стерильном помещении. Стены, потолок, пол — всё было белым, гладким, без единого пятнышка. Единственным источником света была яркая панель прямо над ним. Он лежал на чем-то, похожем на медицинскую койку. Вокруг стояли какие-то приборы с мониторами, на которых бежали бесконечные ряды цифр и графиков. Эти цифры и графики что-то значили, но Алекс не мог их расшифровать. Они были написаны на том же незнакомом синтетическом языке.

Он не был на «Прометее». Лазарет «Прометей» был обшарпанным, функциональным помещением с вечно мигающими лампами и запахом озона. Здесь всё было по-другому. Слишком чисто. Слишком... пусто. В этом помещении не было ни одного личного предмета, ни одной фотографии, ни одного признака того, что здесь когда-либо бывали люди. Это было похоже на операционную, которую построили роботы и в которой никогда не ступала нога человека.

Он попытался повернуть голову в сторону. На этот раз ему это удалось. Медленно, с огромным трудом, он смог осмотреть пространство справа от себя.

Там стоял роботизированный манипулятор. Сложная конструкция из шарниров, сервоприводов и стальных щупалец замерла в покое, склонившись над соседней койкой. На конце одного из щупалец Алекс заметил засохшие следы чего-то бурого. Кровь? Его кровь? Он не знал. Но от этого зрелища по его спине пробежал холодок. Этот манипулятор выглядел как гигантский паук, застывший в ожидании добычи. Его металлические конечности были покрыты микроскопическими царапинами, свидетельствующими о долгом использовании. Он был не новым. Он был... опытным.

Алекс опустил взгляд вниз, на свое тело. На нем была надета простая белая рубашка, похожая на больничную сорочку. Его руки лежали поверх одеяла. И то, что он увидел, заставило его сердце — или то, что теперь работало вместо него — остановиться на долю секунды.

Его левая рука. Она была... другой. Она была покрыта не живой, розовой кожей с выступающими венами и мелкими волосками, а гладким, матово-серым пластиком. Идеальные, бесшовные панели обтекали его предплечье, имитируя форму мышц. В месте, где должно было быть запястье, панели разделялись, обнажая черные синтетические сухожилия, которые приводили в движение металлические пальцы. Каждый палец был совершенен в своей механической точности. Они были длиннее, изящнее человеческих, и заканчивались не ногтями, а

заостренными титановыми когтями. Эти когти могли легко проткнуть человеческую плоть. Или разорвать металл. Или...

Алекс смотрел на эту руку, и его мозг отказывался верить. Это не его рука. Это не может быть его рука. Его рука была обычной. Она была покрыта шрамами от старых ожогов, полученных в мастерской. Она была сильной, но не такой. Она была человеческой. А это... это было оружие.

Он перевел взгляд на правую руку. Она выглядела нормальной. Живой. Человеческой. Он видел вены, сухожилия, поры на коже. На безымянном пальце было кольцо — простое стальное кольцо, которое он носил с академии. Это кольцо подарил ему отец перед отправкой на «Прометей». Он с облегчением выдохнул. Это было реально. Его правая рука была его собственной. Но облегчение было недолгим.

Он проследил взглядом вниз, к своей груди. Рубаха была расстегнута. В том месте, где должен был быть рубец от раны, теперь красовалась вставка из матового металла. Она была идеально встроена в его плоть, образуя симбиоз живого и неживого. Кожа вокруг вставки была покрасневшей и воспаленной, но металл выглядел так, будто был частью его всегда. Сквозь тонкие щели в металле пробивался слабый голубоватый свет, пульсирующий в такт механическому стуку.

Этот свет был источником звука. Его сердце. Его новое, механическое сердце. Оно светило изнутри, как маленькая звезда, заключенная в металлическую клетку. И этот свет был прекрасен. И этот свет был ужасен.

Он поднял свою механическую руку и поднес её к лицу. Движение было плавным, невероятно плавным и точным. Он смотрел на то, как стальные пальцы сжимаются и разжимаются, подчиняясь его мысленным командам. Это было завораживающе и отвратительно одновременно. Он чувствовал себя кукловодом, управляющим марионеткой. Но марионеткой была часть его собственного тела.

Кто я? — этот вопрос вспыхнул в его мозгу, как сверхновая. Что со мной сделали?

Паника, которую он сдерживал до этого момента, наконец прорвалась наружу. Он рванулся на койке, пытаясь сесть. Все его мышцы — и живые, и механические — напряглись разом. Из его груди вырвался крик, смешанный со статическим шипением. Он задержался, пытаясь сорвать с себя эти чужие, ненавистные импланты. Он не хотел их. Он не просил об этом!

— Помогите! — прохрипел он, но его голос сорвался в неразборчивый электронный вой.

Вокруг него тут же вспыхнули аварийные огни. Тревожная сирена взывала где-то в коридоре. Роботизированный манипулятор рядом с его койкой ожил и начал приближаться, но Алекс отмахнулся от него своей механической рукой. Удар был чудовищной силы. Манипулятор отлетел в сторону, врезавшись в стену с такой мощью, что по белому пластику пошли трещины.

— Отвали! — рявкнул он, и на этот раз его голос звучал громче, отчетливее. — Не подходи ко мне!

Он спрыгнул с койки. Его ноги подкосились, и он чуть не упал, но механическая рука инстинктивно схватилась за поручень кровати, удержав его. Металлические пальцы смяли стальной поручень, как фольгу. Алекс в шоке уставился на то, что натворил. Он был сильнее, чем думал. Гораздо сильнее. Эта сила была пугающей. Он мог убить человека одним ударом. Он мог разорвать сталь, как бумагу. Он был не человеком. Он был машиной для убийства.

Он осмотрелся. Из маленького помещения был только один выход — раздвижная дверь. Она была заперта. Над дверью мигал красный индикатор. Где-то за дверью слышались шаги. Кто-то приближался. И этот кто-то был не один.

Он сделал шаг к двери, но ноги снова подвели его. Ощущение равновесия было нарушено. Создавалось впечатление, что его мозг и новое тело еще не научились работать синхронно. Он пошатнулся и оперся о стену, оставив на ней вмятину. Его ноги были все еще человеческими, но они не слушались его так, как раньше. Как будто сигналы от мозга шли через новые, непривычные маршруты.

Собрав всю волю в кулак, он заставил себя идти. Шаг. Еще один. Его походка была дерганой, неуверенной, как у новорожденного, но он двигался. Каждый шаг отдавался болью в груди, где механическое сердце продолжало свой безупречный ритм.

Дверь. Он видел свое отражение в её гладкой стальной поверхности.

На него смотрел незнакомец. Молодой мужчина с изможденным, бледным лицом, на котором застыло выражение бесконечного ужаса. Его каштановые волосы были коротко острижены, а виски выбриты — там, где к черепу были подключены какие-то порты и разъемы. Эти разъемы были вделаны прямо в кость, и от них тянулись тонкие провода, исчезающие под кожей. Его глаза — карие, но в них, в глубине зрачков, плясали отблески неестественного света. Этот свет был того же цвета, что и свечение в его груди. Голубоватый, холодный, механический. Это были его глаза. Глаза Алекса.

Но это был не он. Их взгляды встретились — взгляд человека и взгляд машины.

— Кто я? — прошептал Алекс, и его тихий, испуганный голос эхом разнесся по стерильной комнате.

Его ладонь — его человеческая, теплая правая ладонь — прижалась к двери. Он не пытался открыть её. Он просто стоял, глядя в глаза своему отражению. Где-то там, за дверью, нарастал шум. Приближались люди. Или не люди. Он не знал. И от этого незнания было еще страшнее.

Он знал одно: он должен бежать. Но куда? И от кого? Он не знал, кто его спас, кто сделал это с ним и зачем. Но одно он понимал отчетливо: он больше никогда не будет прежним. Прошлое осталось в той вспышке, в той тишине космоса. А будущее... будущее было этой холодной, стерильной комнатой и новым, чужим телом.

Внезапно дверь с шипением отъехала в сторону. В проеме стояли двое. Они были одеты в черные бронированные костюмы, их лица скрывали шлемы. В руках у них было оружие — короткоствольные штурмовые винтовки, направленные прямо на него. Они были профессио-

налами. Это было видно по их стойке, по тому, как они держали оружие, по тому, как они двигались. Они не колебались ни секунды.

— Не двигаться! — раздался резкий, искаженный вокодером голос.

Алекс не двигался. Он лишь смотрел на них, лихорадочно соображая. Его механическая рука висела вдоль тела, но он чувствовал, как внутри неё что-то нарастает. Какая-то энергия. Какая-то готовность. Его импланты хотели действовать. Они оценивали угрозу. Они просчитывали траектории. Они выбирали цели. Это было ужасающее чувство — осознавать, что твое тело действует само по себе, без твоего сознательного участия.

Его губы дрогнули. Он хотел спросить: «Кто вы? Что вам от меня нужно?» Но слова застряли в горле. Вместо этого он поднял свою механическую руку. Медленно, демонстративно.

— Стоять! — заорал один из солдат, вскидывая винтовку.

Но было уже поздно. Алекс не знал, что происходит, но его тело знало. Его импланты знали. И они решили за него.

Из его ладони вырвался ослепительный разряд энергии. Он ударил в одного из солдат, отбросив его назад, как тряпичную куклу. Второй открыл огонь. Пули ударили в стену, в пол, в Алекса. Он почувствовал тупые, не больные толчки, когда пули впивались в его металлическую грудь, но не пробивали её. Его новая оболочка была крепче, чем он думал.

Мир снова погрузился в хаос. Хаос из вспышек, криков и рева бегущей энергии. Алекс не думал. Он действовал. Его тело было оружием, и это оружие проснулось. И последней мыслью, которая промелькнула в его голове, прежде чем тьма снова накрыла его, была мысль о том, что он наконец-то получил ответ на свой вопрос. Он был оружием.

Глава 2. Пробуждение (Кризис идентичности)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.